

Савицкий Иван Владимирович**Savitsky Ivan Vladimirovich**

кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории
Петрозаводского государственного университета

PhD in History, Associate Professor,
Russian History Department,
Petrozavodsk State University

**«КРЫМСКАЯ ВЕСНА»
В РОССИЙСКИХ
ДИССЕРТАЦИОННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ 2014–2018 ГГ.****CRIMEAN SPRING IN RUSSIAN
THESES OF 2014–2018****Аннотация:**

Статья посвящена анализу трех российских диссертаций, затронувших проблемы «крымской весны» 2014 г. Они созданы в различных научных областях (политология, этнография и отечественная история), но объединены влиянием крымских событий на результаты исследований. Автор выделил в них три общих вопроса – использование диссертантами терминологических определений, анализ причин и движущих сил крымских событий. Учитывая полидисциплинарность исследования, автор использует универсальные сравнительный и системный подходы, сравнивая позиции диссертантов и проецируя их мнения на общий политизированный фон российских научных и публицистических работ. Анализируемые диссертации показывают динамику изучения «крымской весны» в этнополитическом отношении, но не участвуют в горячих дискуссиях российских историков и политологов. Результаты их исследований вошли в фундаментальные научные труды и способствуют созданию научных школ.

Ключевые слова:

«крымская весна», российская историография, диссертации, этнополитические процессы, научные школы.

Summary:

The study analyzes three Russian theses concerning the Crimean Spring of 2014. These theses were written within different scientific fields (political science, ethnography, and Russian history), but they were united by the influence of the Crimean events on the research results. Three common issues are identified: the use of terms and definitions by the defenders of theses, the analysis of the causes and driving forces of the Crimean events. Due to the multidisciplinary nature of the research, the author uses universal comparative and systematic approaches by contrasting the views of PhD students and projecting their opinions on the common politicized background of Russian scientific and journalistic works. The theses analyzed show the dynamics of ethnic and political studies on the Crimean Spring, but they fail to be involved in heated debate between Russian historians and political scientists. The research findings of theses have become a part of fundamental scientific works and contribute to the creation of schools of thought.

Keywords:

Crimean Spring, Russian historiography, theses, ethnic and political processes, schools of thought.

В марте 2019 г. исполнилось пять лет с момента принятия Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации. Это событие еще не проявило окончательно своих последствий, содержит много белых пятен, однако уже стало объектом не только многочисленных пропагандистских публикаций, но и серьезных диссертационных работ. Безусловно, их специфика как прежде всего квалификационных работ на соискание научной степени делает их весьма необычным объектом историографического исследования. Известны стереотипы о методологической незрелости диссертационных трудов, написанных начинающими по научным меркам специалистами; свое влияние оказывают ограниченный объем текста (а порой и времени выполнения исследования) и многократное обсуждение темы и текста диссертации в научных организациях. В итоге может получиться, что на защите автор отстаивает не столько свою точку зрения на анализируемую проблему, сколько мнение, ожидаемое научной общественностью в данный исторический период. Отсюда частая особенность диссертаций – уход от полемичности, ярких гипотез, апеллирование к историографической традиции (даже если связь с предыдущими исследованиями сохраняется номинально). Более того, учитывая ограничение объема диссертационного текста, авторы зачастую делают его менее емким по содержанию, чем уже опубликованные ими к защите статьи.

В силу необходимости поиска авторами собственного места в научном мире диссертаций не может быть много применительно к одному и тому же объекту изучения. Поэтому к ним неприменимы ряд методов историографического исследования, в том числе рассчитанных на систематизацию большого количества работ. На сегодняшний день можно назвать три диссертации, тематически примыкающие к «крымской весне». При этом они посвящены трем разным научным специальностям – «Политические проблемы международных отношений, глобального и регио-

нального развития» (Д.В. Сосновский, 2014 г., МГУ, научный руководитель – профессор А.Г. Дугин), «Этнография, этнология и антропология» (Р.А. Старченко, 2015 г., Институт этнологии и антропологии РАН, научный руководитель – профессор М.Н. Губогло) и «Отечественная история» (И.В. Островская, 2018 г., Кубанский госуниверситет, научный руководитель – профессор А.В. Баранов). К сожалению, ни в одной из них событие 2014 г. не стало непосредственным объектом исследования. Более того, основная работа над всеми тремя диссертациями была выполнена до 2014 г. – в период, когда вхождение Крыма в состав России не было предсказуемо. «Крымская весна» вынудила сильно корректировать проводимые исследования, но именно она позволяет выявить точки соприкосновения в их проблематике.

Привязка этнополитических и исторических исследований к их финальной развязке – референдуму 2014 г. и принятию Республики Крым и г. Севастополя в состав России – является тематической нишей данных научных работ. Они продолжают историографическую традицию начала 2000-х гг., когда были защищены диссертации О.Н. Батановой, М.И. Будникова, Е.В. Жеребцовой, В.М. Нагорного, А.Н. Толкачевой и других исследователей об этнополитической ситуации в Крыму [1]. Уже тогда анализируемые нынешними авторами вопросы кристаллизовались как научные проблемы, требовавшие решения.

Целью данной публикации является сравнительный анализ трех указанных диссертаций по отдельным затрагиваемым в них общим вопросам. По мнению автора работы, таковыми можно считать используемые диссертантами терминологические определения событий 2014 г., а также их подходы к анализу причин и движущих факторов «крымской весны».

Понятийное определение «крымской весны» (которая в самом Крыму часто называется «русской») вызывает большие споры. В юридической практике используется термин «принятие» в состав России, показывающий крымскую инициативу в этом процессе, в пропагандистской – более целенаправленный «возвращение». Использование фразы «присоединение Крыма к России» ассоциируется с военной силой, как «оккупация» и «аннексия» в украинской исторической мысли. Попытка российской оппозиционной прессы определить крымские события как аншлюс не встретила поддержки среди научной общественности. Так же редко используется и термин «сецессия».

Однако в научной среде эти термины прижились не сразу. Например, в защищенной в июне 2014 г. диссертации Д.В. Сосновского терминологическое определение событий трехмесячной давности старательно обходится под предлогом необходимости ухода исследователя современности «от идеологических штампов и продуктов политической конъюнктуры» [2, с. 24]. Максимум допустимого – это «вхождение Крыма в состав России», причем без разделения республики и города Севастополя. Показательной в этом отношении является и работа Р.А. Старченко, избежавшего каких-либо политизированных определений и использовавшего применительно к принятию Крыма в состав России термины «переход» и «адаптация» [3, с. 4, 12, 115], что напрямую связано с этнографической направленностью исследования.

Таким образом, сильная политизированность событий 2014 г. на первых диссертациях не отразилась. Однако российская научная мысль на месте не стояла и довольно быстро ввела в оборот другие, более жесткие определения. Так, И.В. Островская использует термины «реинтеграция» и «воссоединение», тем самым исходя из права России на полуостров. Автор посвятила свое исследование в основном «периоду украинского контроля» в истории Крыма [4, с. 3, 4]. Использование этого термина характерно для патриотических сил Севастополя, не признававших права Украины на город, и может считаться региональной особенностью местной историографии. Однако «период украинского контроля» не стоит полностью отождествлять с «украинским периодом» истории Крыма, который ведется исследователями с 1954 г. и включает в себя не столько собственно украинский, сколько советский период истории. Одновременно «украинский контроль» противостоит используемому в публицистике антинаучному определению «украинская оккупация» и с учетом итогов мартовского референдума вполне может спровоцировать использование украинскими коллегами ответного термина «российский контроль» применительно к современной ситуации в Крыму взамен устаревшего определения «аннексия».

Важным вопросом остаются причины событий 2014 г. На момент создания диссертаций были предложены несколько их формулировок. Наиболее мягкие – «дальнейшее обострение ситуации на Украине, угроза русскоязычному населению Крыма и российской военно-морской базе в Севастополе» [5, с. 61], жестче – экономическая деградация полуострова за «23 года украинской оккупации», тотальная коррупция, стремление украинских властей к уничтожению устоявшихся идеологических ценностей, а также экономический кризис [6, с. 4]. Единодушная критика противоречивой политики В. Януковича показывает, что корни конфликта авторы видели в украинской политике, в том числе и до Евромайдана. Роль же таких факторов, как российская финансовая поддержка, деятельность партий и спецслужб в начале 2014 г., первоначально казалась

многим авторам преувеличенной. Наиболее глубоко на сегодняшний день предпосылки «крымской весны» изучены симферопольским историком А.Р. Никифоровым [7].

Перечисленные причины в анализируемых диссертациях не отрицаются, однако первая же работа указала на фундаментальную основу украинского кризиса – строительство В. Януковичем жесткой вертикали власти в рамках унитарного государства. Остальные факторы стали заметны только на этом фоне и были терпимы до тех пор, пока у власти находился «пророссийский» политик. Таким образом, Д.В. Сосновский сделал вывод о «необходимости переформатирования структуры украинского государства на принципах федерализма, которые позволят Украине продолжить существование и начать процесс укрепления своей государственности» [8]. Этот вывод полностью соответствует как российской официальной точке зрения, так и последующим соглашениям «нормандской четверки». Однако даже доказывающие необходимость децентрализации украинские авторы признают, что у общества на это остается лишь хрупкая надежда [9, с. 485].

Другие диссертанты по сути исследовали этнополитические факторы несостоявшегося украинского федерализма. Так, в качестве причины событий 2014 г. Р.А. Старченко акцентирует попытку Верховной рады Украины отменить закон «Об основах государственной языковой политики» 2012 г. и другие шаги украинской власти, идущие «вразрез с европейскими ценностями в области защиты языков меньшинств» [10]. Продолжая эту тему, И.В. Островская отнесла к причинам столь радикальных событий усиление межэтнических и социальных противоречий, обострение проблемы статуса Крыма и Севастополя в рамках унитарной Украины, в том числе с учетом дислокации Черноморского флота России. Переворот в Киеве лишь придал значительный импульс ответной самоорганизации как русских крымчан, так и других этнических сообществ [11].

Тектонические по своей мощи политические события невозможно объяснить без изучения их движущих социальных сил. Казалось бы, современникам «крымской весны» хорошо известно об общественном движении на рубеже 2013–2014 гг. Так, широкую панораму его развития к 2014 г. проанализировал профессор С.А. Кислицын, акцентировав внимание на роли бизнес-элиты полуострова, тесно связанной с российским предпринимательством [12]. Однако в обстановке патриотического подъема общественная мысль едва не позабыла о самой себе. В наскоро отредактированных учебниках истории (например, под редакцией В.А. Шестакова) роль народных масс была фактически проигнорирована, что произвело впечатление борьбы внешних сил за обладание полуостровом.

Ситуация стала меняться в связи с исследованиями И.В. Островской – сотрудницы музея обороны Севастополя, сформировавшей личное собрание документов о деятельности общественных объединений в Крыму. Она активно использовала термин «крымское региональное общество» [13], но при отсутствии общепринятого определения этого понятия рассматривает лишь его сегмент – социокультурные русские и политизированные пророссийские движения. Вполне логично, что движущими силами «русской весны» в диссертации представлены пророссийские общественные формирования (связь которых с семьями российских военных не отрицается), а также политические партии (особо выделена позиция местных представителей Партии регионов и Прогрессивной социалистической партии Украины). При этом автор анализирует в основном севастопольские события; развитие ситуации на всем Крымском полуострове показано слабее. Существует и обратная тенденция: так, в недавно вышедшем двухтомнике по истории Крыма, справедливо претендующем на фундаментальный анализ всей крымской истории, вклад Севастополя в события 2014 г. явно недооценен [14]. Создается впечатление о взаимном недоверии внутри «крымской школы историков». Для примера можно сравнить мнения о распространении идеи вхождения полуострова в состав России: если симферопольские авторы относят эту идею к концу февраля – началу марта 2014 г., то севастопольский историк убедительно показывает, что в ее городе эта идея не просто витала весь период «украинского контроля», но и сопровождалась конкретными политическими акциями.

На русскоязычное население как движущую силу событий 2014 г. в Крыму указал и Р.А. Старченко, уточнив, что к русскоязычным относились и три четверти проживавших в Крыму украинцев. При этом автор подчеркивает, что до событий зимы – весны 2014 г. на полуострове пророссийские политические силы пользовались весьма незначительной поддержкой, сторонники интеграции Крыма с Россией сокрушительно проигрывали на выборах в крымский парламент, и только события на Майдане изменили ситуацию [15].

Тезис о том, что украинское население Крыма не может рассматриваться как отдельный политический актор на территории полуострова (большинство его представителей являются носителями той же идентичности, что и русское население), выдвигал и Д.В. Сосновский. Однако после значительного сокращения прав автономии политическая активность русских в Крыму тоже стала стремительно снижаться. «Небывалый подъем самосознания русского населения» автор связал с курсом С. Аксенова на проведение референдума о статусе республики [16], умалчивая

о причинах избрания самого Аксенова на должность главы крымского правительства. Такой «взгляд из Москвы» в дальнейшем не встретил поддержки у севастопольского историка, приводящей примеры неоднократных политических акций севастопольских пророссийских организаций в пользу вхождения города в состав России.

Таким образом, анализируемые диссертации показывают динамику изучения крымских событий 2014 г., больше всего – в этнополитическом отношении. Безусловно, они не показывают всего накала дискуссий российских историков и политологов, однако для диссертаций этого и не нужно: являясь «кирпичиками» научного знания, они более других видов работ призваны претендовать на объективность и доказательность. Идя по «горячим следам» крымских событий, авторы еще не претендовали на их всесторонний анализ.

Выявляющиеся расхождения во взглядах на развитие русских и пророссийских общественных движений можно объяснить различием в используемой источниковой базе. Если московские авторы активно применяют статистические источники, то в распоряжении крымских историков находятся другие (в том числе архивные) документы, позволяющие говорить не только о количественных, но и о качественных изменениях в деятельности местных обществ. Более того, И.В. Островская указывает на возможность фальсификации некоторых статистических данных (в частности, результатов переписи 2001 г.) [17], что выпало из внимания ее предшественников.

Тем не менее анализируемые исследования носят системный характер и говорят о динамично развивающемся научном знании. Работы Р.А. Старченко стали частью научных проектов и коллективной монографии с привлечением как московских, так и крымских специалистов [18]. А после защиты И.В. Островской можно говорить о создании в Кубанском государственном университете полидисциплинарной научной школы по изучению этнополитических процессов под руководством доктора исторических и доктора политических наук профессора А.В. Баранова (это была девятая защита диссертации его соискателем, причем первая – по исторической специальности). В настоящее время работа по указанным направлениям продолжается.

Ссылки:

1. Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 23 с. ; Будников М.И. Российско-украинские отношения в 1991–2005 годы: исторический аспект : дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 127 с. ; Жеребцова Е.В. Этноконфессиональные взаимодействия в контексте современной социокультурной ситуации в Крыму : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2008. 21 с. ; Нагірний В.М. Політизація російської етнічності в Україні (1991–2002 рр.) : автореф. дис. ... канд. політ. наук. Київ, 2003. 19 с. ; Толкачева А.Н. Этнорегиональные конфликты в Украине и Молдове в начале 1990-х годов: сравнительный анализ Крыма и Приднестровья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005. 22 с.
2. Сосновский Д.В. Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991–2014) : дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. 171 с.
3. Старченко Р.А. Динамика и взаимодействие языковой жизни и этнополитических ориентаций крымчан (2013–2014 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 178 с.
4. Островская И.В. История становления и развития русского и пророссийского движений Крыма и Севастополя в 1991 – марта 2014 г. : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2018. 215 с.
5. Быков А.Н. Украинские события и их воздействие на интеграционный процесс на постсоветском пространстве // Вестник научной информации. М., 2015. № 2: Украинский кризис: причины, эволюция, уроки. Ч. 1. С. 61.
6. Кажанов С.П. Самый долгий день защитника Отечества // «Чегеvara прилетает утром...»: воспоминания сепаратистов / В.Н. Горелов [и др.]. Севастополь, 2015. С. 3–68.
7. Никифоров А.Р. Политические предпосылки и итоги Крымской весны // Парадигмы истории и общественного развития. 2018. Вып. 12. С. 81–90.
8. Сосновский Д.В. Указ. соч. С. 142.
9. Некряч А.І. Децентралізація як нова парадигма модернізації публічної влади в Україні // Гілея: науковий вістник. 2015. № 101. С. 481–486.
10. Старченко Р.А. Указ. соч. С. 68, 70, 105.
11. Островская И.В. Указ. соч. С. 83, 96.
12. Кислицын С.А. Политическое значение деятельности гражданского общества Севастополя и Крыма в период борьбы за реинтеграцию Крымской Автономной Республики в Российскую Федерацию // Власть. 2016. Т. 24, № 8. С. 48–54.
13. Островская И.В. Указ. соч. С. 33.
14. Никифоров А.Р. «Крымская весна» 2014 г. // История Крыма : в 2 т. / под ред. А.Ю. Юрасова. М., 2019. Т. II. С. 741–752.
15. Старченко Р.А. Указ. соч. С. 77, 115–117, 143.
16. Сосновский Д.В. Указ. соч. С. 16, 74, 75.
17. Островская И.В. Указ. соч. С. 37–38.
18. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / под ред. В.Ю. Зорина, Р.А. Старченко, В.В. Степанова. М., 2017. 216 с.

References:

- Batanova, ON 2009, *Russian World and Problems of Its Formation*, PhD thesis abstract, Moscow, 23 p., (in Russian).
Budnikov, MI 2007, *Russian-Ukrainian Relations in 1991-2005: Historical Aspect*, PhD thesis, Moscow, 127 p., (in Russian).
Bykov, AN 2015, 'Ukrainian Events and Their Impact on the Integration Process in the Post-Soviet Space', *Vestnik nauchnoy informatsii*, vol. 2, *Ukrainskiy krizis: prichiny, evolutsia, uroki*, no. 1, Moscow, p. 61, (in Russian).

- Kazhanov, SP 2015, 'The Longest Day of the Fatherland's Defender', in VN Gorelov, et al., *"Che Guevara Arrives in the Morning: Memories of Separatists"*, Sevastopol, pp. 3-68, (in Russian).
- Kislitsyn, SA 2016, 'Political Importance of Civil Society Activities of Sevastopol and the Crimea in the Period of Struggle for the Reintegration of the Crimean Autonomous Republic in the Russia Federation', *Vlast*, vol. 24, no. 8, pp. 48-54, (in Russian).
- Nagorny, VM 2003, *The Politicization of Russian Ethnicity in Ukraine (1991-2002)*, PhD thesis abstract, Kiev, 19 p., (in Ukrainian).
- Nekryach, AI 2015, 'Decentralization as a New Paradigm of Modernization of Public Administration in Ukraine', *Gileia: nauchny vestnik*, no. 101, pp. 481-486, (in Ukrainian).
- Nikiforov, AR 2018, 'Political Background and Results of the Crimean Spring', *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiia*, iss. 12, pp. 81-90, (in Russian).
- Nikiforov, AR 2019, "'Crimean Spring" of 2014', in AYu Yurasov (ed.), *History of Crimea*, vol. 2, Moscow, pp. 741-752, (in Russian).
- Ostrovskaya, IV 2018, *History of Formation and Development of Russian and Pro-Russian Movements of Crimea and Sevastopol in 1991 – March 2014*, PhD thesis, Krasnodar, 215 p., (in Russian).
- Sosnovsky, DV 2014, *Processes of Formation of Regional Identity in Crimea in the Context of Polarization of Ukrainian Society (1991-2014)*, PhD thesis, Moscow, 171 p., (in Russian).
- Starchenko, RA 2015, *Dynamics and the Language of Life and Ethno-Political Orientations of Crimean Residents (2013-2014)*, PhD thesis, Moscow, 178 p., (in Russian).
- Tolkacheva, AN 2005, *Ethnoregional Conflicts in Ukraine and Moldova in the Early 1990s: A Comparative Analysis of Crimea and Transnistria*, PhD thesis abstract, Perm, 22 p., (in Russian).
- Zherebtsova, EV 2008, *Ethno-Confessional Interactions in the Context of Modern Socio-Cultural Situation in Crimea*, PhD thesis abstract, Moscow, 21 p., (in Russian).
- Zorin, VYu, Starchenko, RA & Stepanov, VV (eds) 2017, *Ethnic and Ethno-Political Map of the Crimea. Organization of Monitoring and Early Warning of Ethnic and Religious Conflicts*, Moscow, 216 p., (in Russian).